

Першин Юрий Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Омского государственного технического университета, e-mail: pershiny@mail333.com

Ю. Ю. Першин

ВОЕННОЕ МЕТАДЕЙСТВИЕ В CASE STUDY: «МОМЕНТ ИСТИНЫ»

В статье «Философия разведки в case study: «военное метадействие» [3] мы сделали попытку описания восприятия архаическим сознанием пространства военного метадействия¹. Для рассмотрения конкретного визуального примера военного метадействия был выбран отрывок из фильма «В августе 44-го», при этом использовался системно-коммуникационный подход, а также метод реконструкции видения определенного фрагмента военного метадействия архаическим сознанием.

Мы пришли к выводу, что разведывательная и контрразведывательная² деятельность в различных формах проявления уже сами по себе являются разновидностями военного метадействия, с помощью которого и в пространстве которого ведутся непосредственные боевые действия. Однако даже при проведении подобной скрытной деятельности за ее внешним планом скрываются новые уровни противостояния, на которых также происходят некие неявные действия, в целом подпадающие под статус метадействия. Именно в этом неявленном, можно сказать, виртуальном пространстве, не имеющем отношения ни к СМИ, ни к Интернету, и в котором противники не сталкиваются непосредственно на физическом уровне, разворачивается само метадействие иного уровня. Это пространство войны идеалов, ценностей, идей, смыслов, желаний, это пространство логических построений, гипотез, альтернативных вариантов действий и альтернативных вариантов объективно существующей реальности. В этом пространстве война ведется постоянно, даже тогда, когда противники подписывают мирные дого-

¹ Напомним, метадействие – это вся совокупность процессов, происходящих за видимым, или наблюдаемым планом действия человека, принимающего участие в боевых действиях. Это скрытая работа цельной, структурно сложной и многоуровневой открытой системы индивидуальных – физических, психологических, моральных, и социальных – культурных, административно-командных (тактических, стратегических), экономических и многих других статусов, факторов и действий, включающая также людей – участников этих действий [5]. Метадействие, на наш взгляд, включает в себя еще и внешнюю среду, в которой данное метадействие происходит [4, С. 11].

² Различия между разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельностью описаны, к примеру, в статье В. Д. Лахина «О соотношении разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности» [1]. Мы, в свою очередь, не акцентируем внимания на различиях, делая попытку рассмотреть объединяющие их общие принципы.

воры и называют друг друга партнерами. Но наиболее ярко, на наш взгляд, метадействие эксплицируется и поддается теоретизации тогда, когда максимально проявляется когнитивная составляющая метакоммуникации в пространстве этого метадействия.

Исходя из этого, для анализа метадействия как разведывательной деятельности в аспекте его большей наглядности мы повторно обратимся к отрывку из фильма «В августе 44-го»¹, в котором, по сюжету, группа капитана Алехина осуществляет разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность, гармонично их сочетая². Этот отрывок – захват группы диверсантов во главе с Мищенко – на наш взгляд показателен и удобен как пример потому, что демонстрируемое военное действие как некая акция, имеющая начало, развитие и завершение, происходит за достаточно короткое время, при этом обстановка динамично меняется, а с ней меняются и факторы, влияющие на принятие решений. Более того, авторы фильма в этой сцене делают попытку показать ту работу, которую проводит Алехин, «качая» группу диверсантов Мищенко, что вполне соответствует экспликации метадействия, проходящего за внешним, наблюдаемым планом действия.

Для анализа и описания метадействия, в данном случае, мы воспользуемся совокупностью интерпретационных методов исследования, методом психологической реконструкции и моделирования. При описании коммуникации субъектов в контексте военного действия и метадействия актуален, на наш взгляд, герменевтический подход, а также упомянутый системно-коммуникационный подход.

При первичном анализе предлагаемого отрывка фильма сразу же становится очевидным, что стороны, вступившие в коммуникацию, внешне, вроде бы, сотрудничая, ведут ожесточенную войну в пространстве метадействия, непрерывно, постоянным потоком получая, обрабатывая и передавая вовне информацию. Таким образом, констатируя разницу между действиями сторон на внешнем, видимом плане действия и в пространстве метадействия, мы приходим к выводу о

¹ Напомним, мы рассматриваем отрывки из указанного фильма только в виде визуализированного пособия, не разбирая недостатки и достоинства сюжета фильма, а также шероховатости и логику воспроизведения военного действия и метадействия.

² Созвучно идее, высказываемой в нашей статье, В. В. Надеждин, к примеру, говорит о негласной оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности как о родственных видах деятельности [2, С. 59-70]. Таким образом, чтобы не проводить в нашем анализе избыточного разделения по видам деятельности, мы ограничимся термином «разведывательная деятельность».

том, что стороны ведут сложную игру, пытаясь убедить противника принять свою версию реальности.

Оба игрока (группа Алехина и группа Мищенко) добиваются своих целей, прилагая к их достижению волю, имея для этого определенные силы и средства. Следовательно, оба игрока являются субъектами, или в ситуации пространства игры (поляны) со-субъектами, стремящимися достичь своих целей и навязать свою волю противнику таким образом, чтобы последний действовал в соответствии с желаниями противоположного со-субъекта. В таком случае со-субъект, которому удалось бы навязать свои волю противнику и заставить его действовать в соответствии со своим желанием, становится полноправным субъектом действия, а его противник сразу же становится объектом действия.

Таким образом, мы можем заметить, что игра в пространстве военного действия и метадействия – это открытые или скрытые действия субъекта, направленные на сохранение своей субъектности, лишение субъектности противостоящего со-субъекта и низведение его до статуса объекта действия без открытого вооруженного противостояния. Объект действия в данном контексте – это объект манипуляций субъекта, управляемый элемент осуществляемой субъектом своей версии реальности¹.

Каждый из со-субъектов стремится к присвоению пространства противостояния. Это дает возможность изменить – *информировать* – его таким образом, что противостоящий со-субъект, попадая в него, до определенного уровня виртуализируется, т.е. действует в *информированном* пространстве так, как действовал бы в нейтральном. Таким образом, его действия становятся неадекватны реальности. В случае противостояния групп Алехина и Мищенко, последняя делает неудачную попытку присвоить пространство игры, когда незаметно окружает Алехина, пытающегося развязать тесемки рюкзака диверсантов. Алехин, в свою очередь, вынув оружие, не дает этого сделать. Именно это его действие, как это ни парадоксально выглядит, добавляет диверсантам уверенности в способности присвоения пространства игры и осуществления своей версии реальности. Однако они, занятые осуществлением логически единственно верной попытки сохранения своей субъектности, которую постепенно разрушает Алехин, не могут увидеть, что пространство игры уже заранее и скрыто *информировано*, перефор-

¹ Заметим, что в играх, проходящих вне контекста военного действия и метадействия, со-субъекты остаются таковыми до конца игры из-за того, что правила игры остаются неизменными. Со-субъект манифестирует попытку стать субъектом действия тогда, когда сам начинает устанавливать или изменять правила игры для достижения успеха.

матировано и принадлежит группе Алехина. Таким образом, все их действия изначально становятся виртуализированы – т.е. оторваны от объективной (а не от кажущейся) реальности, и следовательно, они с самого начала становятся мало-успешными.

Алехин задолго до непосредственного столкновения групп начинает готовить игровое пространство, так как не только действие, но и метадействие должно проходить по правилам, задаваемым субъектом действия, в качестве которого себя задает Алехин. Он выбирает место действия (поляну), организует его, рассчитывая шаги до предполагаемого места встречи с группой Мищенко, ставит засаду, т.е. включает в пространство поляны (в тело пространства игры) два скрытых элемента, которые должны сыграть свою роль. Иными словами, пространство военного действия за видимым планом изменяется Алехиным таким образом, что приобретает новые, скрытые качества, которые должны сработать в определенный момент, резко *изменив правила игры* (и следовательно, вскрыть развитие цепочек причинно-следственных связей, известное Алехину, но неизвестное Мищенко). Следует заметить, что резкое (заранее организованное субъектом действия) изменение качеств пространства действия, оказывает огромное влияние на психологическое состояние фактического объекта действия, который моментально понимает, что реальность, в которой он действовал, претендуя на субъектность, не соответствует его видению, и следовательно, все продуманные им цепочки причинно-следственных связей не будут актуализированы. Такое резкое осознание изменения своего статуса со-субъекта на статус объекта действия является переломным моментом военного действия и метадействия.

Для того, чтобы гарантированно отвести внимание диверсантов от встроенных в пространство поляны (игровое пространство) скрытых элементов (засады), Алехин вводит в игру Аникушина, персонаж, который не знает специфики деятельности СМЕРШа и не склонен работать в игровом пространстве, задаваемом Алехиным. Такое нежелание соответствовать реальности, задаваемой субъектом, в итоге приводит к его исключению как элемента из этого пространства.

Аникушин не играет, он ведет себя достаточно искренне – ему не нравится работа, которую он выполняет, он хотел бы быть на фронте, а не в тылу, операция по захвату группы Мищенко для него – нечто несерьезное. В своих эмоциях он искренен, даже тогда, когда стоит, скучая, при проверке документов. Для него важно внешнее действие. Для Алехина, наоборот, важно именно метадействие, причем ему нужно, чтобы метадействие проявилось в действии. Для этого он

вскрывает пласты реальности, в которой работают диверсанты, сначала проверяет документы, потом вещи.

С самого начала Аникушин не собирается принимать на себя роль, отведенную ему Алехиным, который привлек его в качестве источника условно достоверной информации. Его ригидность в игровом пространстве, которая, как это может показаться, мешает Алехину «качать» диверсантов, на самом деле очень полезна, так как, повторим, Аникушин не играет. Диверсанты, которых он принимает за офицеров советской армии, ему безразличны, и в этом безразличии он естественен, что отчасти работает как фактор, успокаивающий диверсантов, которые должны переключить все внимание на Алехина. Таким образом, сама собой создается классическая схема «хороший следователь – плохой следователь» (в данном случае «безразличный следователь – въедливый следователь»). Естественность Аникушина скрадывает активность Алехина, что дает диверсантам основания полагать, что пространство, в котором они находятся, не имеет скрытых включений, способных его моментально изменить. Именно в таком пространстве они и могут попытаться присвоить себе статус субъекта, обнажив свою реальную сущность, т. е., войти в «момент истины».

Привлечение Алехиным Аникушина для участия в захвате диверсантов с самого начала дает нам понимание того, что последний должен играть роль достоверного предмета интерьера, придающего пространству игры правдивость, достоверность, наподобие дерева, куста, травы, которые, говоря иносказательно, не имеют «двойного дна». Ведь чем меньше группе Мищенко будет представлено элементов реальности, имеющих «двойное дно», тем меньше шансов, что диверсанты смогут что-то заподозрить. Фактически из реальности, которая предстала перед группой Мищенко на поляне, наиболее искусственным, с «двойным дном», являлся именно субъект действия, капитан Алехин. Именно он является центральной фигурой, во первых, организовавшей пространство поляны-игры, во-вторых, он руководит скрытыми элементами игрового пространства, в-третьих, он воспринимает, анализирует и производит информацию, которая должна выглядеть достоверной. Группа Мищенко воспринимает эту информацию и анализирует ее очень придирчиво, так как это для нее вопрос жизни и смерти. Таким образом, можно полагать, что Алехин, несмотря на то, что давал Аникушину советы как действовать на поляне, фактически придавал ему статус элемента прикрытия, который следует использовать для достижения цели группы, т. е. захвата диверсантов. Такое отношение к Аникушину как к некому инст-

рументу, необходимому для достижения своих целей, проявляется и в сцене допроса радиста группы диверсантов, здесь же на поляне, когда для психологического давления на него один из офицеров группы Алехина использует тело убитого Аникушина.

Основным источником получения диверсантами информации из пространства игры является внимание. Оно должно быть откалибровано, т. е. способно замечать минимальную разницу между фрагментом реальности А и его производной – разделенной во времени минимально измененной копией А' (в ином контексте – минимальные изменения в поведении, эмоциональном состоянии, мышлении человека). Сама такая разница может быть обозначена как изменение, в настоящем случае – изменение в обстановке. Иными словами, внимание должно замечать минимальные изменения окружающей реальности, присутствие или отсутствие которых в контексте военного действия и метадействия является важной информацией. В практическом аспекте, следовательно, внимание должно быть откалибровано таким образом, чтобы замечать малейшие знаки опасности, следы, т. е. нехарактерные для определенного фрагмента реальности черты, выделяющиеся из него настолько, что могут быть схвачены вниманием и определены как несоответствующие общей картине, негармоничные ей, выпадающие из общей динамики развития реальности, из постоянно осуществляемой во времени и пространстве цепи логических и причинно-следственных связей.

Однако внимание диверсантов не привлекают следы приготовлений на поляне (они отсутствуют), здесь нет ничего необычного, нехарактерного, понимаемого как нечто несоответствующее осуществляемой во времени и пространстве цепи логических и причинно-следственных связей. Их внимание не может «разглядеть» в листве кустов двоих контрразведчиков, которые явно нехарактерны для пространства поляны. Тем более, что внимание диверсантов обращено на более доступные для анализа объекты – офицеров Аникушина и Алехина. Следует заметить, что Алехин с самого начала визуального контакта с диверсантами не просто привлекал их внимание, но и пытался довольно успешно им управлять. Вспомним, что выходя на поляну, он специально замедлил движение, как бы оступился, во-первых, с целью замедлить шаг, чтобы к назначенному заранее месту встречи диверсантов с патрулем, месту засады, диверсанты подошли раньше и ближе, сделали на пару шагов больше, встретились бы с патрулем на точно обозначенном месте, и таким образом, вошли в реальность, созданную для них Алехиным. Во-вторых, Алехин таким способом привлек их внимание и манипулиро-

вал им до самой развязки, так как своими активными действиями показал себя самым опасным персонажем, раздражающим фактором, на который диверсанты потратили весь ресурс внимания, и который мог вскрыть их внешнюю личину.

Алехин заставляет диверсантов обрабатывать большой объем информации, чем следовало бы, и возможно даже, больший, чем они могут обработать, понимая, что именно избыток анализируемой информации может заставить диверсантов ошибиться¹. Именно поэтому он ведет диалог не прямыми и точными фразами, а применяет нестандартную манеру речи, которая изобилует словами и фразами-паразитами, просторечием, интонационной игрой, быстрой сменой ритма речи, пользуется показной настойчивостью, въедливостью, облеченными в форму любезности. Значительную роль при манипуляции вниманием диверсантов играет лингвопантомима, жестикуляция. Все это в комплексе создает у диверсантов состояние психологической неустойчивости, тревожности и ожидания подвоха в любой момент диалога. Очевидно, что Алехин просто «вламывается» в их метареальность, и доминируя в ней, фактически манипулирует метадействием.

Здесь следует уточнить, что метадействие включает в себя психические процессы манифестирующиеся через психологические состояния человека на уровне физиологии, поведения, коммуникации, моторики, эмоций, когнитивной деятельности. Метадействие также включает в себя различные системные эффекты, которые иногда принципиально невозможно осознать, так как сами порождающие их системы не могут быть выделены вниманием и проявляются как системы именно в момент возникновения системного эффекта. Так, человек выстраивает версию развития событий (версию будущего) исходя из информации, которую может охватить вниманием. В то же самое время огромное количество процессов, происходящих вокруг человека, недоступны его вниманию, только потому, что его недостаточно для охвата всех этих процессов, и реальность как бы живет своей жизнью, развитие ситуации имеет свою логику, отличную от той, что ей приписывает ограниченный некалиброванным вниманием человек. Изменения реальности могут быть ниже уровня калибровки внимания, и при этом человек может увидеть, услышать, но не осознать этого, и считать, что ему о чем-то говорит его шестое чувство, его интуиция. Таким образом, человек, не видя всей системы и ее работы, но являясь ее элементом, понимает смысл происходя-

¹ Ситуация сходна перегрузкой оперативной памяти компьютера

щего (сюда включается и незаметное влияние окружения, в том числе и природного, и даже географическое местоположение). Такое «озарение» – осознание себя элементом большой системы-«организма», который обладает присущими только ему свойствами и логикой развития, дает человеку возможность воспринимать последовательную актуализацию причинно-следственных связей в подобной системе как манифестацию ее разума и воли. Некоторые взаимодействия элементов такой системы и логика ее развития очевидны, они могут быть выделены и исследованы. Но любая природно-социальная система имеет некие «тонкие» взаимосвязи и взаимодействия, которые не поддаются экспликации и прогнозированию, так как они попросту недоступны человеческому вниманию и осознанию. Именно поэтому человек зачастую видит в актуализации причинно-следственных связей случайности, которые, по меткому замечанию Б. Спинозы, являются непознанными закономерностями. Именно эта, неявная работа системы, в которую оказывается включен человек, также входит в пространство метадействия.

Следует заметить, что все внешние изменения в контексте военного метадействия (т. е. непосредственно военные действия), инициируются человеком, претендующим на роль субъекта. Таким образом, он встраивается в уже существующие и актуализирующиеся цепочки причинно-следственных связей, а также дает начало новым. Но в определенный момент, когда его внимание оказывается неспособным удержать и проконтролировать существующие и инициированные им самим цепочки причинно-следственных связей, человек может ощутить, что его статус изменился. Объект, на который он направлял свое внимание, сам приобретает качества субъекта, и в свою очередь, начинает повелевать им, его мышлением, логикой¹. Человек ощущает поток, в который он включен, который несет его, заставляет делать то, что он не собирался делать, как будто кто-то свыше движет им, и воспринимает такую предзаданность как судьбу. Ограниченное

¹ В литературном ключе Л. Н. Толстой прекрасно описывает некоторые характерные аспекты военного метадействия в романе «Война и мир» в 3 и 4 томах. Толстой описывает понимание М. И. Кутузовым метадействия как «неуловимой силы», «неопределимой, таинственной связи», «непонятной, таинственной силы», которая решает участь сражения, и которая называется «духом войска». Этой «силой» он руководит лишь отчасти, настолько, насколько она находится в его власти. Толстой прекрасно показал понимание Кутузовым причинно-следственных связей, актуализирующихся в военном действии и метадействии. Когда проходило такое военное действие, как совет в Филях, на котором решался вопрос о сдаче Москвы, Кутузов, как пишет Толстой, знал, что Москва *уже* сдана. Таким образом, Толстой приписывает Кутузову предвидение, которым обладает субъект, создающий условия для именно такого разворачивания в реальности причинно-следственных связей. Понимание метадействия Толстой приписывает и Наполеону, без приказа которого происходило все, что он хотел, а он приказывал только потому, что думал, что от него ждут приказаний. Но на самом деле он покорно исполнял «жестокую, печальную и тяжелую, нечеловеческую роль, которая ему была предназначена».

внимание не дает ему видеть за этим последовательную актуализацию причинно-следственных связей в системе. В этом отношении группа Алехина, и сам Алехин, не просто создали ситуацию перехвата группы диверсантов, они определенным образом выстроили логику причинно-следственных связей, и ситуация, которую они создали, начала сама неудержимо последовательно развиваться. При этом люди просто выполняли свои роли, как элементы развивающейся по собственной логике системы, и они уже не могли сделать что-то по-другому. Поэтому организация Алехиным пространства причинно-следственных связей просто не могла не привести к запланированному успешному результату. Таким образом, он создал на локальном уровне хронотоп, который можно было бы назвать «пространством судьбы». Это судьба группы Алехина – уничтожить группу диверсантов. И группа диверсантов, попадая в это пространство, обретает судьбу, навязанную ей, как объекту метадействия – быть уничтоженной. Именно в «пространстве судьбы» становится возможным «момент истины». Алехин прекрасно осознает, что осуществление альтернативного варианта реальности – прочесывания леса армейскими подразделениями – сразу же придает группе Мищенко статус условно погибшей, а это нежелательное развитие событий. Поэтому для того, чтобы повлиять на действие и метадействие более высокого уровня, Алехин делает удачную попытку временного выхода (саботаж коммуникации при сеансе радиосвязи) из системы-«организма» / субъекта действия более высокого уровня, для которого уничтожение группы Мищенко являлось одной из частных задач, и таким образом резко повышает свою субъектность.

Такая скрупулезная подготовленность событий попросту не дает диверсантам возможности действовать иначе, чем того требует навязанная им роль. Они не могут визуально исследовать поляну на предмет расположения засады. Они оказываются втянуты не только в пространство, подготовленное заранее группой Алехина, но и начинают играть в игру, которую он им предлагает, задавая правила поведения и реакции во внешнем действии, а также направление их аналитического мышления, логических выводов, схемы распределения внимания (вплоть до психофизиологических процессов) в метадействии. В свою очередь, Алехину, который контролирует динамику распределения внимания диверсантов, является субъектом действия и «хозяином положения», легко прогнозировать и отмечать своим вниманием те действия, которые производят диверсанты (расстегнутая кобура, затянутый узел на рюкзаке). Он сам подводит их к этим действиям, являющимся с их стороны единственно правильными и адекватными

ситуации, в которую он их погружает. Иными словами, управляемые Алехиным диверсанты, действуют так, как ему нужно. Это говорит о том, что в метадействии логические построения Алехина также превосходят по качеству логические построения диверсантов, следовательно, они действуют по схеме развития причинно-следственных связей, которые задает он. В данной ситуации диверсантам уже не поможет даже синхронизация группы, а у группы Мищенко обязательно должны быть условные знаки, сигналы, фразы, которые ее синхронизируют в опасной ситуации. Условные сигналы вообще должны синхронизировать психофизиологическое состояние группы даже лучше, чем прямые приказы. Они замыкают группу и делят пространство на тех, кто их понимает, и кто их не понимает. Приказ слышен и врагам, условный сигнал понятен только своим – это и есть резкая и мощная синхронизация (наподобие совместной песни), превращающая разрозненных людей в единый организм.

В определенный момент вся игра подходит к своей кульминации. Это ситуация, когда Алехин просит диверсантов предъявить для осмотра вещи. Здесь действие из игры превращается в ритуал – действие, которое (при пограничном состоянии осознания того, чем это действие закончится), переключило сознание его и его группы (кроме Аникушина) в иной онтологический регистр. Здесь все действия становятся жестко запрограммированными, последовательными, ведущими к одному результату. Это качественное изменение «пространства судьбы» – возросшая до неизбежности вероятность актуализации причинно-следственных связей, которую можно назвать «силой судьбы», особенность хронотопа боевой ситуации, когда пространство приобретает каузальную ригидность.

Именно Алехин позволяет диверсантам думать о том, что он с Аникушиным для диверсантов «уже трупы», озвучивая не свои мысли, а мысли диверсантов. Это констатация бытийного факта – все люди смертны, но группа диверсантов, считая себя субъектом метадействия, передвинула время их смерти на *сейчас*. Для диверсантов они еще живы, хотя уже мертвы. Принимая эти мысли, Алехин оказывается в состоянии «и жив, и мертв» и неизбежно должен сделать выбор. Здесь точка парадокса, перехода, место и время актуализации надежной бытийной опоры. Алехин живет в этом, Аникушин вне этого. По сути, Алехин, как фактический субъект действия и метадействия, задает реальность и ее развитие в потоке причинно-следственных связей, и, следовательно, задает будущее. А того, кто знает или проектирует будущее – невозможно победить. Здесь – бытийный ужас (хотя предпочтительнее сказать – бытийный восторг), состояние

понимания, da-sein, из которого становится очевидным (экстраполируется) будущее осуществления причинно-следственных связей. Здесь, и только здесь можно прожить настоящий *момент истины* для знающего *кто действительно жив, а кто действительно мертв*, так как выбирать предстоит ему. И здесь, в точке стояния на границе жизни и смерти, Алехин делает свой выбор – кульминация метадействия – и наступает момент истины.

* * *

1. Лахин В. Д. О соотношении разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 1 (10). – С. 142-146.

2. Надеждин В. В. О гласности и конспирации в деятельности оперативно-розыскных органов России // Новые криминальные реалии и реагирование на них: сб. ст. / под ред. проф. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. – 299 с.

3. Першин Ю. Ю. Философия разведки в case study: «военное метадействие» // Психолог. – 2015. – № 1. – С. 1-27. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.1.13704. URL: http://enotabene.ru/psp/article_13704.html

4. Першин Ю. Ю. Архаическое сознание в контексте «военного метадействия» // Армия и общество. – 2014. – 1 (38). – С. 6-12.

5. Северьянов А. Н. Мифорелигиозная «тэxnэ» в метадействии античной войны // Социально-экономические системы: современное видение и подходы: материалы III международной научно-практической конференции 8 февраля 2008 г. Омск: СИБИТ, 2008. С. 419-434.